

В ЧЕМ СИЛА, БРАТ?

Владимиру Ленину удалось не просто привести малочисленную радикальную партию к власти, но и удержать эту власть, затеяв самый смелый и один из самых жестоких социальных экспериментов, с каким когда-либо сталкивалось человечество.

В чем была его сила и в чем секрет успеха?

Текст: **Олег НАЗАРОВ**, доктор исторических наук

В.И. Ленин на фоне Смольного. Худ. И.И. Бродский. 1925

Действительно, какие качества Ленина-политика позволили ему переиграть своих многочисленных врагов и оппонентов и добиться того, чего он добился? В поисках ответа на этот вопрос нам помогут свидетельства людей, лично знавших основателя большевистской партии.

Понятно, что многие воспоминания о Ленине, издававшиеся в нашей стране во времена политического господства КПСС, по вполне понятным причинам страдали односторонностью. Из этого, конечно, не следует, что все изложенное в них – сплошная предвзятость. Хотя очевидно и то, что многие авторы всячески высвечивали одни черты личности лидера большевиков, напрочь забывая о других.

Среди тех политиков, чьи свидетельства в советское время зачастую игнорировались, были бывшие соратники Ленина по некогда единой Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Имея возможность общаться с ним на том или ином этапе его жизни, они сохранили в памяти образ главного большевика. Так каким же запомнился им один из самых заметных политиков XX столетия? Какие качества Ленина-политика и Ленина-вождя они выделяли в первую очередь?

НОМО POLITICUS

Еще в 1914 году в письме Инессе Арманд Владимир Ленин, посетовав на одолевавшие его «суррогаты дел, суетню, хлопотню, делишки», далее добавил: «Вообще я люблю свою профессию». То, что он делал, он действительно считал профессией.

Впрочем, скорее всего, политика, составляя основное содержание

жизни Ленина, была для него чем-то большим, чем просто профессия. Большевик Федор Дан однажды заметил, что «...нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию».

И хотя Дан не мог знать содержания ленинских сновидений, а потому в его оценке присутствует некоторое преувеличение, в целом она представляется верной. Не случайно уже после революции старые большевики – вслед за вождем – старательно выводили в анкетной графе «Род занятий» диковинный доселе вид деятельности: «Профессиональный революционер».

Ту же мысль финский социал-демократ Густав Ровио сформулировал короче и точнее: «Революционер с головы до пят». На квартире Ровио в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) вождь большевиков скрывался в августе 1917 года. О самом хозяине квартиры историк Владлен Логинов пишет так: «...не раз арестовывался, ссылался в Вологду и Тверь. Но в 1917-м это уже не считалось грехом, и генерал-губернатор Михаил Стахович утвердил Густава сначала старшим помощником, а потом и временно испол-

Инесса Арманд. Владимир Ленин писал ей в 1914 году: «Вообще я люблю свою профессию»

няющим должность полицмейстера Гельсингфорса».

Да, удивительно, но в революционные времена случалось и не такое.

Стоит принять во внимание и слова Глеба Кржижановского, который еще в начале XX века говорил Анатолию Луначарскому, что «Ленин прежде всего человек политический и что, разойдясь с кем-нибудь политически, он сейчас же рвет и личные отношения».

«У НАС ХОЗЯЙСТВО БОЛЬШОЕ»

Был ли Ленин циником, коих в политике немало? Конечно, был. Весьма характерно свидетельство Владимира Войтинского, сначала большевика, а с 1914 года – меньшевика. Тот вспоминал: «Когда при Ленине подымался вопрос о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал: «У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится...»»

По мнению Анжелики Балабановой, одной из самых известных российских социалисток в Европе начала XX столетия, «Ленин рассматривал каждого человека и каждое, даже малое, общественное событие с точки зрения революционного стратега». Зная Ленина с дореволюционных времен, она писала: «Вся его жизнь была вопросом страте-

гии, и каждое его слово, произнесенное публично, имело дальний политический смысл. Каждый инцидент и тенденция были для него звеньями в общественной причинно-следственной цепи, которыми надо пользоваться в теоретических и практических целях».

При этом Ленин был самым настоящим трудоголиком. Рассказывая о нем, Александр Потресов, один из основателей РСДРП, знакомый с будущим вождем мирового пролетариата еще с 1894 года, вместе с ним организовавший и редактировавший «Искру», признал то, что «и Мартов, и Вера Засулич, и я, – мы все ценили Ленина не только за его знания, ум, работоспособность, но и за его исключительную преданность делу, всегдашнюю готовность отдаваться ему целиком, нагружая себя сверх меры самыми неблагоприятными функциями и неизменно добросовестно их выполняя».

В воспоминаниях Николая Валентинова (Вольского), в 1904 году разочаровавшегося в большевизме и примкнувшего к лагерю меньшевиков, довольно подробно говорится

Социалистка Анжелика Балабанова отмечала: «Ленин рассматривал каждое событие с точки зрения революционного стратега»

* При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

Владимир Ленин был оратором огромного напора и силы. На фото: выступление Ленина на III конгрессе Коминтерна. 1921 год

о событиях первых месяцев того года: «В конце января или в начале февраля Ленин начал писать “Шаг вперед, два шага назад”. В течение трех месяцев, понадобившихся ему для написания книги, с ним произошла разительная перемена: крепко сложенный, полный энергии, жизненно задора, Ленин осунулся, похудел, пожелтел, глаза – живые, хитрые, насмешливые – стали тусклыми, моментами – мертвыми. <...> Он был неузнаваем. Спасаясь от тяжелой депрессии, Ленин убежал отдыхать в какое-нибудь тихое безлюдное место, чтобы выбросить из мозга, хотя бы на время, вошедшую в него как заноза мысль». Такой была его самоотдача.

«ОТ ЛЕНИНА ПАХЛО РУССКОЙ ЗЕМЛЕЙ...»

Широко известна фотография Виктора Буллы, сделанная во время работы III конгресса Коминтерна, который проходил с 22 июня по 12 июля 1921 года в Москве. Ленин, примостившись на ведущих к трибуне ступеньках, что-то быстро пишет. Вождю мирового пролетариата нет дела до того, что его видят сидящим на истоптанном солдатскими сапогами полу. Он полностью поглощен работой. Ему не до самолюбования...

Не было в характере Ленина и мелкого тщеславия, что признавали многие социал-демократы. Меншевик-интернационалист Юлий Мар-

тов был человеком высоких моральных принципов. Как и Потресов, он хорошо знал Ленина еще со времен петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и издания «Искры». По воспоминаниям очевидцев, Мартов был единственным, к кому из соратников Ленин обращался на «ты». Уже после того, как их пути в политике навсегда разошлись, Мартов говорил, что элементов личного тщеславия в характере Ленина никогда не замечал.

То же самое констатировал и идеолог меньшевистского движения Павел Аксельрод, описывая свою первую встречу с Лениным в мае 1895 года: «У него не было ни малей-

шего намека на самомнение и тщеславие. Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно». Обронил Аксельрод и такие слова: «От Ленина пахло русской землей...»

На «русскость» Ленина обратил в свое время внимание и философ Николай Бердяев, в молодости отдавший дань увлечению марксизмом.

«ВЛАСТЬ ДЛЯ НЕГО НЕ САМОЦЕЛЬ»

Ленина часто упрекают в том, что главным его «мотором» была тяга к власти как таковой. Якобы ради нее он готов был на все, а принципы и идеология были вторичны по отношению к жажде власти.

Это явно упрощенный подход. Судя по всему, все было наоборот. Член французской социалистической партии Жак Садуль, бывший в революционном Петрограде атташе при военной миссии Франции и встречавшийся с Лениным и Львом Троцким, в своих «Записках о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919)» отмечал: «Меня часто спрашивают, любят ли, на мой взгляд, Ленин и Троцкий власть ради власти. В том, что касается Ленина, никакие сомнения недопустимы. Власть для него не самоцель, но только средство привести к победе Идею».

При этом, как подчеркивали современники, ради достижения поставленной цели Ленин готов был прибегать к любым средствам.

Его целеустремленность стала темой-рефреном в статье Троцкого «Ленин и старая “Искра”». Человек, много лет враждовавший с вождем большевиков, на сей раз не пожалел восторженных слов: «Этот величайший машинист революции не только в политике, но и в теоретических своих работах, и в занятиях философией, и в изучении иностранных языков, и в беседах с людьми был неизменно одержим одной и той же идеей – целью. Это был самый, может быть, напряженный утилитарист, какого когда-либо выпускала лаборатория истории. Но так как его утилитаризм – широчайшего исторического захвата, то личность от этого не сплющивалась, не оскудевала, а, наоборот, по мере роста жизненного опыта и сферы действия непрерывно развивалась и обогащалась... <...> Нужна была вся могущественная

Один из основателей РСДРП Александр Потресов говорил о прямо гипнотическом воздействии Ленина на людей

целеустремленность Ленина, чтобы начать такое дело и довести его до конца».

Ленина отличала не просто редкая целеустремленность, но и выдающееся упорство в достижении целей. В 1921 году он сам признал, что не было ни одной серьезной задачи, к решению которой ему не приходилось бы возвращаться повторно. Это требовало большого упорства.

В свою очередь, Любовь Аксельрод, в период Первой русской революции считавшаяся одним из самых авторитетных экспертов по вопросам марксистской философии, подмети-

Финский социал-демократ Густав Ровио охарактеризовал Ленина: «Революционер с головы до пят»

Социал-демократ Николай Валентинов отмечал необыкновенную самоотдачу вождя большевиков

ла, что связь между упорством и волей у Ленина была органичной: «Он принадлежал к тем исключительно волевым натурам, у которых даже колебания не ослабляют воли к действию, а, наоборот, еще больше усиливают упорство».

Это наблюдение дополняет интересный взгляд венгерского философа-марксиста Дьёрдя (Георга) Лукача. Он мало общался лично с Лениным, зато весьма преуспел в изучении его наследия, дав свою трактовку понимания им политического процесса. По мнению Лукача, лидер большевиков считал, что политический процесс не прекращается ни на одно мгновение. «Ленину совершенно незнакомо то, что хотя бы отдаленно напоминало бы самолюбование; никакой успех не делает его тщеславным, никакая неудача не повергает его в уныние, – писал философ. – Он не согласен с тем, что существуют ситуации, на которые человек был бы не в состоянии реагировать практически. <...> Его жизнь – это постоянное действие, непрерывная борьба, идущая в мире, в котором, по его глубочайшему убеждению, не бывает безвыходных положений – ни для тебя, ни для противника».

По замечанию французского историка Франсиса Конта, в полном блеске умение Ленина добиваться нужного ему результата проявлялось как раз в наиболее сложных ситуациях.

Наиболее жестокой была борьба большевиков с Церковью

«ЛЮБЛЮ Я, КОГДА ЛЮДИ РУГАЮТСЯ...»

Эту фразу Ленин обронил в марте 1905 года в письме большевику Сергею Гусеву. А вот чего он не любил, так это напыщенных и красивых фраз. Мысль Ленина могла быть выражена грубо, но при этом неизменно оставалась ясной, не допускала кривотолков.

Нередкими были выпады вождя большевиков в адрес членов его партии. Отчасти это объясняется тем, что необходимым атрибутом политического лидера Ленин считал умение «встряхнуть людей и дать им педагогической нахлобучки». С другой стороны, следует принять во внимание и такие его слова: «Думать, что настоящему политическому союзу в состоянии помешать “тон” полемики, в состоянии только люди, смешивающие политику и политиканство».

В спорах с политическими противниками он позволял себе резкости, навешивал ярлыки. Не были для Ленина исключением заявления подобного рода: «Эти бундовцы такие тупицы и самохвалы, дурачки и идиоты, что просто терпенья нет». Он запросто мог употребить слова «ду-

рак», «дурачок», «болван», «политическая проститутка» и т. д.

Меньшевик Ираклий Церетели, описывая события 1917 года, отмечал: «Ленин нечасто выступал перед демократической аудиторией, враждебной его взглядам. Но когда ему приходилось это делать, он делал это в резкой и непримиримой форме, идя вразрез общему течению и не стесняясь вызывать самую враждебную реакцию со стороны слушателей».

Характеризуя вождя большевиков, меньшевик-интернационалист Николай Суханов отметил: «Ленин вообще очень хороший оратор – не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или захватывающего пафоса, или острого словца, – но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий,

долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до взятия в плен».

А вот относящееся к 1917 году свидетельство молодого человека из «буржуев»: «Ленина я слышал во время одной из его знаменитых речей с балкона дворца Кшесинской. <...> Речь спокойная, без жестов и крика, внешность совсем не “страшная”, можно сказать – сугубо мирная. <...> Если при слушании Зиновьева и Троцкого мы присутствовали при пропаганде гражданской ненависти и войны, то здесь то и другое было уже как бы фактом. То, к чему те призывали, у Ленина было... чуть ли не чем-то само собой понятным и почти обыденным. И это сказывалось на толпе. Слушатели Зиновьева ругались, безобразничали и грозили; слушатели Ленина готовы были с деловым и занятым видом сорвать у прихвостней буржуазии и ее детенышей головы. Надо признаться, такого сильного раствора социальной ненависти мы еще не встречали и мы “сдали” – не только испугались, но психологически были как-то разбиты».

Ленин бывал жестоким. Луначарский писал об этом приглушенно: «Он был недобродушен, он бы не остановился ни перед какими жертвами, своими или чужими, если эти жертвы казались ему необходимыми для разрешения основной социальной проблемы. В социальном смысле слова он был бестрепетным хирургом».

И это еще мягко сказано. Чего, например, стоит письмо Ленина от 19 марта 1922 года о волнениях в Шуе, вспыхнувших в ответ на попытки местных властей организовать изъятие церковных ценностей. Здесь

Ленин требовал «с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Как он утверждал, «чем большее чис-

«Историк»
рекомендует
ЧТО ПОЧИТАТЬ?

ВАЛЕНТИНОВ Н.В.
Недорисованный портрет...
М., 1993

ПОТРЕСОВ А.Н.
Избранное.
М., 2002

ло представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

Что касается отношений власти и Церкви, Ленин был бескомпромиссен: «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». В те годы это было не единственное письмо такого рода.

«ЗА ЛЕНИНЫМ БЕСПРЕКОСЛОВНО ШЛИ»

Как бы то ни было, благодаря стальной воле, организаторскому таланту и целому набору других качеств Ленин создал партию, сумевшую, без всякого преувеличения, изменить ход мировой истории. Ни один из многочисленных противников большевиков из самых разных политических партий и лагерей ничего подобного сделать не смог.

Понять причину ленинского успеха помогает Потресов. Он писал: «Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал – господства над ними. Плеханова – почитали, Мартова – любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя».

Верность этого наблюдения подтвердил и Луначарский. Он утверждал, что доминирующей чертой ленинского характера «была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, но никогда не выходящая за круг, чертаный сильным умом...»

Ленин был подлинным вождем своей партии. «Если когда-то французский король Людовик XIV мог говорить: государство – это я, то Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия – это он, что он – концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал», – констатировал Потресов.

Памятник В.И. Ленину в Костроме. Скульптура Ленина была установлена на постаменте, предназначавшемся для памятника в честь 300-летия дома Романовых

Наконец, еще одно качество Ленина-вождя назвал Войтинский: «Никто не умел так, как Ленин, угадать настроения рабочей массы и выразить их сжато, выпукло, хлестко. Склонность к абстрактному, дедуктивному, доктринерскому мышлению странным образом уживалась в нем с гениальной чуткостью по отношению к рабочей стихии».

То, что Ленин обладал «исключительной чуткостью к исторической ситуации», отмечал и Бердяев. И с этим выводом знаменитого русского философа не поспоришь.

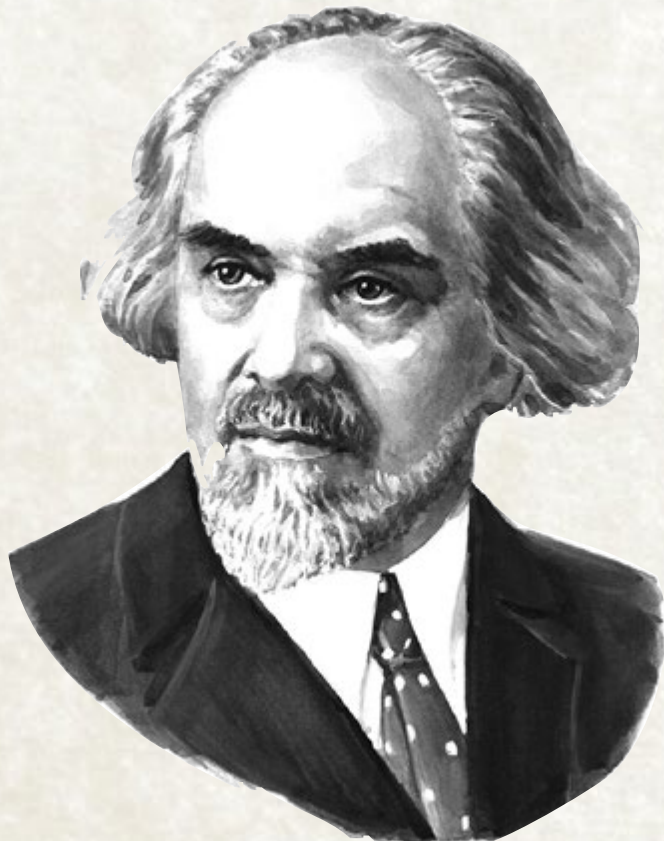
Вот почему Ленину удалось, казалось бы, невозможное – привести к власти партию, в которой на момент февральских событий

1917 года насчитывалось не более 24 тыс. человек. И не просто привести к власти, а удержать ее, затеяв самый смелый и один из самых жестоких социальных экспериментов, с каким когда-либо сталкивалось человечество.

Кстати, то, что ему удалось сделать почти невозможное, признавали и сами большевики. Товарищ Ленина по партии Евгений Преображенский впоследствии писал: «В чем проявился тактический гений Ленина? В том, что пролетарскую революцию, которая по всем объективным показателям имела 90% шансов потерпеть поражение на одной из извилин ее пути, он провел через узкий проход этих 10% к победе». ■

«ТИПИЧЕСКИ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Спустя 20 лет после революции, в 1937 году, изгнанный из России философ Николай Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» дал свою трактовку личности Ленина и его роли в событиях 1917 года

В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев проводит две главные мысли. Во-первых, считает он, нельзя утверждать, что Ленин возник ниоткуда: он «был типически русский человек». В его характере, пишет Бердяев, были типические черты «русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе». И во-вторых, по мнению Бердяева, победивший в России коммунизм – тоже не откуда-то взявшееся наваждение, а плоть от плоти порождение русской интеллигенции. «Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному

отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посясторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера. Все эти черты всегда были свойственны русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции».

Предлагаем вниманию читателей наиболее яркие выдержки из этой ставшей уже классической работы Николая Бердяева.

«Сходство с Петром Великим»

Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. <...>

Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максима-

лизм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В этом он противоположен таким людям, как Троцкий или Мартов, лидер левого крыла меньшевиков.

В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хороший семьянин, любил сидеть дома и работать, не любил бесконечных споров в кафе, к которым имела такую склонность русская радикальная интеллигенция. В нем не было ничего анархического, и он терпеть не мог анархизма, реакционный характер которого он всегда изобличал.

Он терпеть не мог революционной романтики и революционного фразерства. Будучи председателем Совета народных комиссаров, вождем Советской России, он постоянно изобличал эти черты в коммунистической среде. Он громил коммунистическое чванство и коммунистическое вранье. Он восставал против «детской болезни левизны» в коммунистической партии.

В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром.

«Он не верил в человека»

Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком. Он не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека, говорил, что это не его дело, что это в революции неизбежно. Но сам он, вероятно, не мог бы управлять Чека. В личной жизни у него было много благодушия. Он любил животных, любил шутить и смеяться, трогательно заботился о матери своей жены, которой часто делал подарки. <...>

Первым толчком, который определил революционное отношение Ленина к миру

и жизни, была казнь его брата, замешанного в террористическом деле. Отец Ленина был провинциальный чиновник, дослужившийся до генеральского чина и дворянства. Когда брат его был казнен по политическому делу, то окружающее общество отвернулось от семьи Ленина. Это также было для юного Ленина разочарованием в людях.

У него выработалось циническо-равнодушное отношение к людям. Он не верил в человека, но хотел так организовать жизнь, чтобы людям было легче жить, чтобы не было угнетения человека человеком. В философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века. Он соединял социальную революционность с духовной реакционностью.

Ленин настаивал на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Он всегда говорил, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма. Этим он всегда вносил корректив к марксизму. И он построил теорию и тактику русской революции и осуществил ее.

Он обвинял меньшевиков в педантическом следовании марксизму и отвлеченном перенесении его принципов на русскую почву. Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции. Все, что он писал, было лишь разработкой теории и практики революции. Он никогда не разрабатывал программы, он интересовался лишь одной темой, которая менее всего интересовала русских революционеров, темой о захвате власти, о стяжании для этого силы. Поэтому он и победил.

Все миросозерцание Ленина было приспособлено к технике революционной борьбы. Он один, заранее, задолго до революции, думал о том, что будет, когда власть будет завоевана, как организовать власть. Ленин – империалист, а не анархист.

«Допускал все средства для борьбы»

Все мышление его было империалистическим, деспотическим. С этим связана прямолинейность, узость его миросозерцания, сосредоточенность на одном, бедность и аскетичность мысли, элементарность лозунгов, обращенных к земле.

Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много

читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры. Он приобретал знания для определенной цели, для борьбы и действия. В нем не было способности к созерцанию. Он хорошо знал марксизм, имел некоторые экономические знания. По философии он читал исключительно для борьбы, для сведения счетов с ересями и уклонами в марксизме. <...>

Он всю жизнь боролся за целостное, тоталитарное миросозерцание, которое необходимо было для борьбы, которое должно сосредоточивать революционную энергию. Из этой тоталитарной системы он не позволял вынуть ни одного кирпича, он требовал принятия всего целиком. И со своей точки зрения он был прав. <...>

Он допускал все средства для борьбы, для достижения целей революции. Добро было для него все, что служит революции, зло – все, что ей мешает.

Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость.

Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила. <...>

«Третье явление русского империализма»

Целью Ленина, которую он преследовал с необычайной последовательностью, было создание сильной партии, представляющей хорошо организованное и железно дисциплинированное меньшинство, опирающееся на цельное революционно-марксистское миросозерцание. <...>

Ленин отрицал свободу внутри партии, и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию. Это и есть диктатура миросозерцания, которую готовил Ленин. Ленин мог это сделать только потому, что он соединял в себе две традиции – традицию русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических

течениях и традицию русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях.

Социал-демократы, меньшевики, и социалисты-революционеры остались лишь в первой традиции, да и то смягченной. Но соединив в себе две традиции, которые находились в XIX веке в смертельной вражде и борьбе, Ленин мог начертать план организации коммунистического государства и осуществить его.

Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, – первым явлением было Московское царство, вторым явлением – петровская империя. Большевизм – за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее.

Большевизм вошел в русскую жизнь как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным. Проблема власти была основной у Ленина и у всех следовавших за ним. Это отличало большевиков от всех других революционеров. И они создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство.

Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одной силой оружия, чистым насилием. Нужна целостная доктрина, целостное миросозерцание, нужны скрепляющие символы. В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался для этого вполне пригодным. <...>

Ленин был марксист и верил в исключительную миссию пролетариата. Он верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский и делал революцию в России, стране совсем особой. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Он почувствовал, что его час настал, настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать первую в мире пролетарскую революцию в крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоедали марксисты-меньшевики. Он провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику.

Подготовила
Раиса КОСТОМАНОВА